

# ODYSSEUS

## Man in History

The Subjunctive  
Mood in History?

2000



MOSCOW  
«NAUKA»  
2000

**ОДИССЕЙ**

**Человек в истории**

История в  
сослагательном наклонении?

**2000**



МОСКВА  
«НАУКА»  
2000

ББК 63.3(0)  
О 42

Главный редактор  
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, И.В. ДУБРОВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, В.Н. МАЛОВ,  
СВ. ОБОЛЕНСКАЯ (зам. главного редактора), М.Ю. ПАРАМОНОВА,  
П.Ю. УВАРОВ (зам. главного редактора), В.И. УКОЛОВА, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,  
Г.С. ЧЕРТКОВА (ответственный секретарь), А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,  
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук О.И. ВАРЬЯШ,  
кандидат исторических наук Я.Г. ШЕМЯКИН

**Одиссей. Человек в истории. 2000.** — М.: Наука, 2000. - 344 с.  
ISBN 5-02-010188-5

В сборник входят материалы "круглого стола", проведенного по такой увлекательной теме, как "История в сослагательном наклонении", статьи зарубежных и отечественных авторов, посвященные крупным фигурам или значимым тенденциям в современной науке. Кроме того, публикуются размышления Вяч. Вс. Иванова о путях и судьбах гуманитарных наук в XXI столетии, представлена традиционная для "Одиссея" рубрика "Картина мира в ученой и народной культуре" и др.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2000-П-№ 17

ISBN 5-02-010188-5

ISBN 5-02-010188-5



© Издательство "Наука", 2000  
© Российская академия наук  
и издательство "Наука",  
серия "Одиссей. Человек в истории"  
(разработка, оформление),  
1989 (год основания), 2000

# ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

*Вяч.Вс. Иванов*

## СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ СРЕДИ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ В XXI СТОЛЕТИИ

При всей огромности сделанного в таких областях знания, как квантовая механика, теория симметрии, релятивистская космология, молекулярная биология, уходящее столетие поразительно бедно конкретными научными результатами во всем, что относится к человеку в целом (а не к его "частям", изучаемым в биологических науках) и к человеческому обществу. Высказаны некоторые существенные общие замечания (например, в связи с возможностями применения структурных методов и семиотических принципов), но они лишь в редких случаях сопровождалась и проверялись достаточно широко поставленными систематическими исследованиями. Те сферы занятий, которые всего важнее для понимания социума в целом и психики отдельной личности, остаются на периферии дисциплин, считающихся научными и поддерживающих свою официальную репутацию главным образом за счет предельного сужения круга интересов. Требуется незаурядная доля смелости и независимости, чтобы выйти за пределы специальных и относительно безобидных изысканий, разрешенных и поддерживаемых университетами, академиями наук и правительственными ведомствами. Ниже я коснусь лишь нескольких более общезначимых тем, намеченных хотя бы в первом приближении теми учеными, развитие идей которых поможет будущему оживлению в гуманитарных науках.

Кажется вероятным, что именно по отношению к истории общества и его культуре, а также и по отношению к душевному миру одного человека возникает и сохраняется особенно много предрассудков, препятствующих свободному непредвзятому анализу фактов. Это касается прежде всего основных общественных установлений, оберегающих себя от критики.

Важнейшей проблемой, выдвигаемой перед современной наукой поступательным ходом исторических исследований, является установление универсальных тенденций развития. В этом смысле полному пересмотру должны быть подвергнуты принципы стадийной периодизации. В качестве примера можно привести недавно обнаруженные тексты (на хурритском и хеттском языках), показавшие значимость для многих цивилизаций древнего Востока уже с начала II тысячелетия до н.э. обряда освобождения раба. В соответствующих текстах, параллели которым найдены в Ветхом завете, тягостность рабства пояснена ситуацией, в которой рабом оказывается Бог<sup>1</sup>. Те общества, которым в на-

шей науке присваивали название рабовладельческие, по степени осознания аномальности состояния рабства могут быть сопоставлены с Россией времени Радищева или Америкой эпохи Бичер-Стоу.

Другое направление исследований сосредоточено на исторической критике общественных институтов. Представляется необходимым подчеркнуть важность того радикального сомнения в оправданности большинства традиционных установлений, которое проявили такие первопроходцы, как О.М. Фрейденберг и А. Хокарт. Для Фрейденберг, хорошо знавшей труды Дж.Дж. Фрэнзера, Ф. Боаса, Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, Э. Кассирера, основой для такого рода выводов были ее многолетние занятия древнегреческой культурой. Последняя, как известно, стала исходным импульсом для развития всей последующей европейской культуры. Ее типологическое изучение (в цикле лекций, записанном Фрейденберг в блокадном Ленинграде) вылилось в ураганную критику традиционных общественных институтов - не меньшей силы, чем в сочинениях Льва Толстого и Кропоткина<sup>2</sup>. По мнению Фрейденберг, древние формы передаются из архаических времен в цивилизованные в своей морфологической неприкосновенности прежде всего благодаря каузализации\*. Фрейденберг находит консервативную тенденцию именно в тех установлениях, которые прочнее всего были укоренены в сознании среднего европейца ее эпохи: «"Народ", "народное собрание", "совет старейшин" имеют тоже свои бытовые параллели. Старшие, старые родственники окружают хозяина и влияют на управление домом; им и хозяину противопоставлена безличная семейная масса, ради которой и для которой якобы живут и властвуют семейные владыки. Каузализация выдвигает этот мотив с максимальной силой, создавая величайшее зло, какое только существует в системе условностей порабощенного умственными путями человечества. Так вырастает идея о необходимости властвования одного или немногих над обезличенным большинством, о благе которого якобы пекутся властвующие в семье, в племени, в государстве; этих благодетелей якобы следует уважать, улаживать, отдавать за них жизнь, отказываясь от всех ценностей личного и имущественного порядка»<sup>3</sup>.

Подобные гневные обличения установившегося в Европе порядка вещей - не только плод многолетних занятий античностью; здесь слышится голос очевидца сталинских и гитлеровских зверств, доведших до кровавой нелепости вековые незыблемые основы государственности: "История komponуется из одних и тех же материалов, но производит безостановочный процесс перевыбора языка содержания и форм, не Меняя их внутренних постоянных связей. И в данном случае вся прежняя система форм остается в своем прежнем виде. Однако это не больше как сохранение одного и того же материала; это не больше чем от-

\* Каузализацией Фрейденберг называет приобретаемую человеком на исходе архаики способность приписывать вещам причинную обусловленность. - *Примеч. ред.*

формившийся материал, с которым истории предстоит иметь дело. Он один и тот же, он почти до наших дней как материал все один и тот же. Крепко сидит на своем вековом стержне институт государственности, с управителем, с аппаратом управления, с миллионами управляемых - вся эта нелепая, если посмотреть со стороны, система большего или меньшего самоубиения, подчинения, страдания. Такое государство по своей идее никогда не могло бы быть создано, если бы оно не вышло из негосударства и не пришло к самому себе путем неизбежных и неожиданных перерождений. Не повторяя тотемизма, ничем нисколько не связанное с ним, оно слагается из его компонентов, принявших вид известных форм, и повторяет его общий план, схему его, совершенно изменяя в процессе истории соотношение этих форм и принципы их нового существования. Войны не могли бы иметь места у народов XX века; тюрьмы, пытки, концлагеря, тайные полиции, ордена и привилегии, неравенство людей ни в коем случае не могли бы быть сознательно приняты людским обществом. Вся эта система, в своей условности повторяемая в манере жить, строить дома, пользоваться вещами, обращаться друг с другом, проводить свои дни и ночи, - эта система на тысячи ладов обсуждалась историей на всех ее публичных дискуссиях, и все же человечество не выходило за известный круг форм, хотя и слишком кровавых, и слишком дорогостоящих"<sup>4</sup>.

В последней своей части цитированное рассуждение разительно сходно не только по настроению, но и по форме выражения с философской прозой Бориса Пастернака (двоюродного брата Фрейденберг), с которым она обменивалась мыслями на протяжении всей жизни. Если же искать более широкий общеевропейский контекст, можно найти далеко идущие совпадения с написанными примерно в те же годы трудами замечательного английского этнолога А. Хокарта. В своей книге "Короли и советники" (изданной впервые в том же, что и "Поэтика сюжета и жанра" Фрейденберг, 1936 г.), Хокарт на материале ряда древних и архаичных культурных традиций доказывает, что государство возникло относительно поздно и только в небольшом числе обществ<sup>5</sup>. При этом были использованы давно сложившиеся системы обрядов, связанные с обслуживанием священного царя. Пользуясь, как и Фрейденберг, широкими биологическими аналогиями, Хокарт в своем исследовании "сравнительной анатомии человеческих обществ" предложил сопоставление реконструированного им процесса с тем, как биологи описывают появление функций у тех органов, которые первоначально возникают безотносительно к этим функциям.

Фрейденберг пошла еще дальше в этом направлении. Говоря о возникновении слова с позднейшим значением "раб", она подчеркивает, что «"раб" или "царь" существовали до рабства и до царской власти. Как же могло функционировать представление о вещах, которых не было? ...Античное понятие рождается до факта, который впоследствии передает и к которому прикрепляется... Понятие существует до опре-

делаемого им факта и не в силу альтернативы - либо сперва факт, а потом о нем понятие, либо сперва понятие, а потом факт, - а потому, что и самый факт, и понятие об этом факте всегда возникают из непохожих на себя, различных в отношении к себе видов. Так, образ "раба" в отношении к понятию "раб" прогенетичен, до-понятиен. Понятие "раб" создано образом, ничего не имевшим общего с этим понятием, а именно этим образом оно и создано, образом, который логически ничуть не связывает сущность социального явления, раба, со словом, эту сущность определяющим. Так понятие "раб" существует еще до того, как рабы исторически появляются»<sup>6</sup>.

В качестве одного из многих подтверждающих эту мысль примеров можно привести слово со значением "раб" в американских индейских языках, в частности в ирокезских. Первоначальное значение основы, к которой восходит в староондагском (hague)-tchenen "(мой) раб есть", было "приручить, одомашнить, сделать домашним животным" (ср. онондага (wak)-chene-h "(мое) домашнее животное есть", гурон. (a)-sennen "иметь домашнее животное", сенека (ka)-she:n§-h "это-руч-ное?").

Из тех черт современного общества, бессмысленность которых Фрейденберг обосновывает своим историческим разбором, она подробнее других касается супа. По ее словам, которые кажутся прямым продолжением остраненного восприятия суда присяжных и его отрицания у Льва Толстого (например, в "Воскресении"), «судебно-юридическая система очень вжилась в наш быт, вжилась до такой степени, что мы не замечаем нелепости ее форм. Условность социальных и бытовых институтов находит свою полную аналогию и в области так называемого права. Однако, если бы можно было взглянуть на вещи свежо, если бы родиться сразу, сегодня, не считаясь со вчерашним днем, как показалось бы нелепо, что человек судит человека, что вместо обвиняющего выступает другой, который обвиняет, а вместо защищающегося - другой, который защищает. Позднейшая логика говорит, что судья имеет специальные данные, делающие его разбирателем тяжбы, например юридическое образование. Однако низовые суды в том и состоят, что судьи в них "выборные", прямо из народа, а не люди с юридическим образованием»<sup>8</sup>. Все снова и снова возвращаясь к самым зловещим чертам гитлеровского и сталинского времени, Фрейденберг перечисляет приметы доживших до нашего века наказаний, ее удручавшие: 'позднейшие кандалы, каторга, тюрьмы без света, с решетками на окнах, заточение или тяжкая, сверх сил человеческих, работа, концлагеря с их системой жестокости...'»<sup>9</sup>.

Подробно разбирая *символику* архаического предприва, Фрейденберг идет по пути, намеченному еще классиками сравнительно-исторических исследований в XIX в. (в России - А.Н. Афанасьевым, Ф.И. Буслаевым и А.А. Потебней). В начале нашего века Н.П. Павлов-Сильванский, которому тоже принадлежат немаловажные открытия в сфе-

ре исторического истолкования славянских предправовых символов, характеризуя первые выдающиеся результаты, полученные в этой области, писал, имея в виду достижения Гримма, Мэна и Лейста: "Кажется, уже недалеко то время, когда эта программа будет заполнена, когда сравнительное правоведение достигнет таких же точных выводов, каких в короткое время достигло сравнительное языкознание"<sup>10</sup>. Благодаря замечательным исследованиям Жерне по древнегреческому пред-праву (где были обоснованы многие выводы, предугаданные Фрейденбергом), Турнейзена, Винчи и Уоткинса по кельтским традициям, Периханян - по среднеиранским, высказанную Павловым-Сильванским надежду на то, что это направление вместе с экономическими исследованиями может дать твердую основу социологии, можно считать сбывающейся, хотя и очень медленно. (В виде иллюстрации можно, например, заметить, что содержащаяся в древнеиндийских законах Ману формула превращения в волка находит соответствие в хеттских законах, в архаичной формуле у Платона, в древнеисландском праве и кельтских представлениях о волке, что дает возможность восстановить исходный индоевропейский прототип<sup>11</sup>.)

Предправо, как и тесно связанное с ним сравнительно-историческое языкознание, принадлежит к тем наиболее продвинутым областям гуманитарного знания, где можно достаточно точно реконструировать прошлое. В последнее время некоторые из встающих при этом вопросов пробуют решить с помощью математического аппарата. Это касается как лексикостатистического определения времени расхождения родственных языков, так и группировки родственных диалектов по степени их близости<sup>12</sup>. На успешность первых шагов в этой области следует обратить внимание еще и потому, что самая возможность подобных точных исследований в науках о человеке и обществе многими ставилась под сомнение.

Речь идет о принципиальной допустимости в этих науках количественного (в более общем случае — точного) исследования, приводящего к выявлению четких закономерностей. Возражения против этого подхода к предметам гуманитарных занятий приходилось слышать с самых разных сторон, в том числе от таких крупных специалистов, как один из основателей и популяризаторов кибернетики Н. Винер<sup>13</sup>. Ему казалось, что даже при описании таких явлений, как язык, отсутствует регулярная повторяемость, делающая возможными выводы в естественных науках.

Эти соображения неверны, во всяком случае по отношению к строго организованным системам знаков. Если оставаться в пределах той же языковой иллюстрации, в качестве показательного примера можно привести санскрит. Возможно, что мы знакомы только с более или менее искусственной системой этого варианта древнеиндийского языка, который потому и был назван "обработанным", "отшлифованным". Симметричность форм санскрита, приспособленного для передачи зна-



ний в кодифицированной форме, облегчила построение его грамматики, созданной Панини в середине 1 тыс. до н.э. и до наших дней остающейся образцом описания знаковой системы<sup>14</sup>. Она повлияла на развитие строгих методов в европейской и американской науке о языке у О. Бетлингга<sup>15</sup>, У. Уитни, Ф. Соссюра, Н. Трубецкого и Л. Блумфилда. Но, подобный формальной системе Панини, особый метаязык, служащий для изучения языка-объекта, может быть построен только при формализованном характере последнего, как показано на примере логических искусственных языков в исследованиях по метаматематике и математической логике.

Примером исключительно удачного построения формальной системы может быть морфологическое описание волшебной сказки, выполненное В.Я. Проппом<sup>16</sup>. Анализируя русские волшебные сказки из собрания Афанасьева, Пропп стремился понять общий план, лежащий в их основе, ориентируясь на идею "прарастения" (Urpflanze) у Гёте. Пропп пришел к мысли, что выявленную им структуру волшебной сказки можно истолковать, предположив, что в основу ее первоначально была положена схема обряда инициации. По сходному пути в описании обряда коронации шел другой предшественник антропологии XXI в., английский этнолог А. Хокарт<sup>17</sup>, чьи работы уже упоминались.

Из исследований Проппа и Хокарта можно сделать выводы, касающиеся методологии гуманитарных наук в целом. Если определенный вид ритуалов (например, коронации и инициации) отличается формализованным характером, то и тексты, над этими ритуалами надстроенные или отражающие их суть и структуру, имеют четко организованное строение. По отношению к таким ритуалам и текстам возможно построение метаязыка для их описания. Формальное описание таких текстов не предполагает однозначной их интерпретации. Если идея соотнесения структуры сказки с обрядом и вызывает сомнения, сам анализ этой структуры останется незатронутым этой полемикой.

Для систем, отличающихся меньшей регулярностью, попытка точного описания должна включать вероятностную характеристику. Недоверие к точным методам (логическим или статистическим) широко распространено среди представителей гуманитарных наук. Сравнительно недавно посмертно изданная юношеская статистическая работа А.Н. Колмогорова о новгородском землевладении осталась свидетельством того времени, когда будущий великий математик думал о занятиях историей<sup>18</sup>. Он бросил их, в частности потому, что университетским профессорам истории одних статистических доказательство показалось мало<sup>19</sup>.

Несмотря на то что работа Колмогорова о новгородском землевладении XV в. написана без малого столетие назад юношей, которому тогда не исполнилось двадцати лет, она содержит мысли, развитие которых все еще впереди. Значительный интерес представляет использование в этой работе вероятностных методов для уточнения значения

таких ключевых терминов, как *люди* ("все рабочее население или, во всяком случае, категория лиц значительно более широкая, чем главы семейств") или *обжа* (единица обложения<sup>20</sup>). Кажется возможным утверждать, что здесь показана применимость вероятностных методов в исторической семасиологии, во всяком случае, в тех ее разделах, которые касаются определения значения терминов. Еще неожиданное использованный автором способ выяснения родственных отношений однодеревенцев, живших в различных дворах. Он обнаружил, что "возможно подвергнуть статистическому исследованию данные, к этому вовсе не предназначавшиеся, как, например, имена": Колмогоров использовал наблюдения над связью между собственными именами, введя вероятность совпадения случайно взятой пары чисел<sup>21</sup>. Эти исследования находятся на полпути от экономической истории к семиотике.

Уже в зрелом возрасте Колмогоров вновь попытался внедрить точные методы рассуждения в гуманитарные исследования, обратившись к статистическому изучению стиха, начало которому было положено исследованиями Андрея Белого, продолжено в России Б.В. Томашевским, а в эмиграции К.Ф. Тарановским. Эту область гуманитарных исследований развивали главным образом ученые, сформировавшиеся в России (как М. Тарлинская, перенесшая их впервые на английское стихосложение в целом)<sup>22</sup>.

Выдающийся отечественный филолог Б.И. Ярхо, вдохновляясь примером современной физики, думал о построении такой истории литературы,<sup>23</sup> которая описывала бы волны стилистических пристрастий.

Наиболее широкую картину волн или циклов, применительно к разным сферам экономической, политической и культурной жизни, наметил Н.Д. Кондратьев в набросках той общей теории, которую он продолжал достраивать на протяжении своего заключения (до нас дошла только часть его большого общего сочинения, написанного в тюрьме). Согласно выводам Кондратьева, в периоды экономического спада происходит интенсификация научного и технического поиска, делается максимум открытий, использование которых приводит затем к возможности нового технического и экономического подъема. Здесь находит свое разрешение проблема установления закономерностей связи между разными рядами социальной и семиотической деятельности, занимавшая ученых, которые продолжали линии исследований ОПОЯЗ, таких, как Роман Якобсон и Юрий Тынянов (в их тезисах 1928 г.).

Сближение с методами точных и естественных наук сулит и исследование симметрии. В цитированных выше лекциях Фрейденберг писала, что "полярность симметрии и обратной симметрии" лежит в основе вешного мифа<sup>24</sup>. Если всю современную теоретическую физику, основы которой заложены Эйнштейном, удастся осмыслить как основанную на идее симметрии, то сходные результаты (предвосхищенные Ро-

маном Якобсоном) намечаются и в науках семиотического цикла. На этом пути можно видеть возможности реального объединения исходных принципов естественных и гуманитарных наук.

В трудах, посвященных проблемам образования городов, было уже обращено внимание на перспективы социальной физики. Некоторые общие закономерности, выявленные при изучении явлений природы (например, движения жидкости), оказываются достаточно общими и могут помочь выявлению аналогичных процессов в истории. Проблема установления границ между науками ставится по-новому. Нельзя отрицать того, что у гуманитарных исследований есть особый предмет. Но их методы не обязательно должны принципиально отличаться от тех, которые приняты в естественных науках.

К числу тем, которые в большей степени остаются табуированными в современной науке, принадлежит исследование вклада отдельных групп (этнических, религиозных, языковых) в те или иные стороны культуры. Боясь повторить ошибки или даже преступления, совершенные при злоупотреблении ненаучными или псевдонаучными "теориями" (например, о расовом превосходстве арийцев в нацистских писаниях), от занятий этого рода стали уклоняться. Это настолько же неразумно, как отказаться от астрономических наблюдений из-за нелепостей астрологии (в которых, кстати, до сих пор не все убедились) или от химических опытов из-за провала надежд алхимиков на получение золота. Мы не имеем права прекращать исследование тех областей, где были сделаны ошибочные предположения или высказаны бредовые мысли.

Несомненным остается то, что в истории религиозных, философских, научных, технических, эстетических достижений человечества наличествует резко выраженная неравномерность. Прорывы в будущее осуществляются в сравнительно ограниченные периоды времени небольшими связанными друг с другом группами одаренных людей - либо живущих в одном месте (как участники афинского интеллектуального подъема времени Перикла), либо собирающихся для совместной работы (как физики, съезжавшиеся из разных стран по приглашению Бора для работы в его институте в Копенгагене в годы становления и бурного развития квантовой механики). Оставляя в стороне вопрос о генетических истоках творческой активности каждого из них, представляющий собой увлекательную биологическую и психологическую проблему, можно выделить в качестве такого отдельного предмета исследования, который уже сейчас доступен для изучения, те языковые и семиотические предпосылки, без которых эти радикальные скачки в духовной эволюции человечества были бы невозможны. Еще А.А. Потебня, развивая идеи В. Гумбольдта, в лекции о языкознании как основе всех наук гуманитарного направления высказал предположение, что для становления математики были необходимы предпосылки, содержащиеся в самой системе числительных<sup>25</sup>. В одной из пио-

нерских работ в этой области основатель современной алтаистики Н. Поппе писал: «Слово, первоначально обозначавшее какое-нибудь определенное число, впоследствии приобретает более широкий смысл и начинает употребляться в значении "число вообще"»<sup>26</sup>. Подтверждением этой закономерности может быть хет. *kutris* "число", сопоставляемое с названием числа 4 в других индоевропейских языках<sup>27</sup>.

Из результатов, полученных при изучении ранних математических текстов, для истории семиотических предпосылок развития культуры едва ли не наибольший интерес представляют наблюдения В.В. Струве и следовавших за ним ученых<sup>28</sup>. Они выявили особенности предписаний, объединяющих математические папирусы с медицинскими. Когда создан специальный язык, на котором могут быть описаны действия, необходимые для совершения интеллектуальных операций (в приведенном египетском примере - язык алгоритмических предписаний), дальнейшее развитие может оказаться стремительным.

Одной из характерных черт крупных мыслителей уходящего столетия - как философов (Витгенштейн, Рассел, Гуссерль), так и ученых (Бор) - было их сосредоточение на проблеме языка или, шире, знаковой системы, используемой в определенной области. Некоторые из названных выше областей гуманитарных наук выработали собственный, технически достаточно разработанный язык описания, применяющий (например, в сравнительном языкознании) систему особой записи. Можно думать, что дальнейшее продвижение потребует создания таких языков и для других гуманитарных наук.

<sup>1</sup> *Neu E.* Das hurritische Epos der Freilassung. Wiesbaden, 1996 (Studien zu den Bogazkooy-Texten. Vol. 32); *Hoffner H.A.* Human Civilization from a Hittite Perspective // *Urkesh and the Hurrians*. Malibu, 1998.

<sup>2</sup> *Фрейденберг О.М.* Введение в теорию античного фольклора: Лекции // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978; см. также: *Иванов Вяч.Вс.* Очерки по предыстории и истории семиотики // *Иванов Вяч.Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 1998. Т. 1. С. 612-613, 673-674, 688-689.

<sup>3</sup> *Фрейденберг О.М.* Указ. соч. С. 173.

<sup>4</sup> Там же. С. 198-199.

<sup>5</sup> *Хокарт А.М.* Критерии оценки свидетельств // *Природа*. 1985. № 12; *Hocart A.M.* Kings and Councillors. Cairo, 1936 (2 ed. 1970); *Иванов Вяч.Вс.* Очерки по предыстории... С. 782-787.

<sup>6</sup> *Фрейденберг О.М.* Указ. соч. С. 56.

<sup>7</sup> *Rudes B A* Iroquian Vowels // *Anthropological Linguistics*. 1995. Vol. 37. № 1. P. 42.

<sup>8</sup> *Фрейденберг О.М.* Указ. соч. С. 205-206.

<sup>9</sup> Там же. С. 209.

<sup>10</sup> *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988. С. 483.

<sup>11</sup> *Watkins C.* Selected Writings. Innsbruck, 1994. P. 422-455; *Mc Cone K.* Hund, Wolf and Krieger bei Indogermanen // *Studien zum indogermanischen Wortschatz*.

- Innsbruck, 1986; *Иванов Вяч.Вс.* Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. Т. 34. № 5.
- <sup>12</sup> *Warnow T.* Mathematics! Approaches to comparative Linguistics // Proceedings of the National Academy of the USA. Vol. 94( 13). P. 6585-6590; *Ringe D., Warnow T., Taylor A.* et al. Computational Cladistics and the Position of Tocarian // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. Wash., 1998. Vol. 1.
- <sup>13</sup> Мне эту точку зрения довелось слышать от Винера, когда, приехав в Москву в 1960 г., он меня отговаривал от занятий математической лингвистикой. Об этом же, но более общо - по поводу всех социальных наук - он написал в своей книге о кибернетике: *Винер Н.* Кибернетика. М., 1958.
- <sup>14</sup> См. введение в его основные понятия: *Filliozat P.-S.* Grammaire sanskrite paninienne. P., 1988; *Scharfe H.* Panini's Metalanguage // Memoirs of the American Philosophical Association. 1971. № 81; *Katre S.M.* Astadhyayi of Panini. Texas, 1987.
- <sup>15</sup> Отто Бетлингк (1815-1904) - уроженец Петербурга (происходил из немецкой семьи, переселившейся в Россию при Петре I), ординарный, а затем и почетный академик Российской академии наук (избран в 1855 г.), один из двух составителей наиболее полного словаря санскрита, переводчик и исследователь грамматики Панини, а также автор описания якутского языка по методу Панини (*Бетлингк О.* О языке якутов. Пер. с нем. Новосибирск, 1989).
- <sup>16</sup> *Пропп В.Я.* Морфология сказки. М., 1928 (2 изд. 1969).
- <sup>17</sup> *Hosart АМ.* Kingship. Oxford, 1927 (2 ed. 1969); *Иванов Вяч.Вс.* Очерки по предыстории... С. 687-688, 782 и ел.
- <sup>18</sup> *Колмогоров А.Н.* Новгородское землевладение XV века. М., 1994.
- <sup>19</sup> *Янин В.Л.* Предисловие // Колмогоров А.Н. Указ. соч.
- <sup>20</sup> *Колмогоров А.Н.* Указ. соч. С. 67-69, 75-82.
- <sup>21</sup> Там же. С. 63, 74.
- <sup>22</sup> *Иванов Вяч.Вс.* Очерки по предыстории.... С. 658-664.
- <sup>23</sup> Там же. С. 694.
- <sup>24</sup> *Фрейденберг О.М.* Указ. соч. С. 71.
- <sup>25</sup> *Потебня Л.Л.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
- <sup>26</sup> *Поппе Н.Н.* Монгольские числительные // Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927. Вып. 1. С. 117.
- <sup>27</sup> *Oettinger N.* Anatolische Etymologien // Historische Sprachwissenschaft. 1995. Bd. 108; *Иванов Вяч.Вс.* Очерки по предыстории... С. 526. Во всех анатолийских языках в значении "4" используется другая основа.
- <sup>28</sup> *Struwe W.W.* Mathematischer Papyrus der Staatlichen Museums der schbönen Kunst in Moskau. В., 1930; *Grapow H.* Von den medizinischen Texten. В., 1955.

## СОДЕРЖАНИЕ

### ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ?

<i>П.Ю. Уваров</i> ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
<i>К.В. Хвостова</i> СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (Роль многозначной логики)	10
<i>М.А. Чешков</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МИР	14
<i>Л.И. Бородкин</i> ИСТОРИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ И ТЕОРИЯ ХАОСА	21
<i>А.В. Оболонский</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ КАК ОБЪЕКТ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	27
<i>С.А. Экиштут</i> КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ, РАЗВИЛКИ И СЛУЧАЙНОСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ	33
<i>И.Н. Данилевский</i> СОБЛАЗН АЛЬТЕРНАТИВЫ	37
<i>А.Л. Юрганов</i> СВОЙСТВО ПОЗНАНИЯ, А НЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	40
<i>В.Д. Назаров</i> СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТИ РОЗНЬ	42
<i>О.А. Ржешевский</i> УЧЕННЫЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ О ВИРТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	45
<i>М.Ю. Пармонова</i> ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ: ПОВОД ДЛЯ БЕСЕДЫ ИЛИ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА? Опыт современной германской историографии	47
<i>Д.Э. Харитонович</i> МЕТОДОЛОГИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	50

<i>А.Я. Гуревич</i>	
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ: БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПОТЕРИ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	53
<i>ДИСКУССИЯ</i>	58
<i>Л.М. Баткин</i>	
СТРАННАЯ ТЮРЬМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ	64
<i>П.Ю. Уваров</i>	
РАЗВИЛКИ И ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И СЛУЧАЙНОСТИ (Попытка инвентаризации)	78

### ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

<i>Вяч.Вс. Иванов</i>	
СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ СРЕДИ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ В XXI СТОЛЕТИИ	86
<i>Мартин Дингес</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ "СТИЛЯ ЖИЗНИ" К "КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ"	96
<i>А.Я. Гуревич</i>	
ПОДВОДЯ ИТОГИ	125
<i>В.И. Стрелков</i>	
К ОНТОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Ф.Р. АНКЕРСМИТА	139

### КАРТИНА МИРА В УЧЕНОМ И НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

<i>Найтхард Бульст</i>	
ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ. Социальные и религиозные реакции на эпидемии чумы в позднее средневековье	152
<i>П.В. Крылов</i>	
МУЖСКОЙ КОСТЮМ ЖАННЫ Д'АРК: НЕСЛЫХАННАЯ ДЕРЗОСТЬ ИЛИ ВЫНУЖДЕННЫЙ ШАГ?	186
<i>А.Л. Юрганов</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ	194

### ОБРАЗ "ДРУГОГО"

<i>О.А. Савельева</i>	
ОБРАЗ "ЧУЖОГО" В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ. К проблеме этноконфессиональной самоидентификации	207

*В.К. Ронин*

КОЛОНИАЛЬНЫШ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА РУССКИХ  
ЭМИГРАНТОВ (20-30-е годы XX века) 223

### РЕЦЕНЗИИ

*А.В. Каравашкин.* Харизма царя. Средневековая концепция власти как предмет семиотической интерпретации (рец. на кн.: Б.А. Успенский. Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998) 257

*Л.А. Пименова.* Как человек становится революционером? (рец. на кн.: Э.Х. Лемэ, Э. Патрик, Ж. Феликс. Революционеры за работой. Учредительное собрание, 1789-1791. Оксфорд, 1996; Т. Тэкетт. Становясь революционером: депутаты Национального собрания Франции и возникновение революционной культуры. Принстон, 1996) 275

*И.К. Стаф.* Роже Шартье: итог двух десятилетий (рец. на кн.: Р. Шартье. На краю обрыва. История между уверенностью и беспокойством. Париж, 1998) 288

Вокруг книги А.Л. Юрганова "Категории русской средневековой культуры"

*А.Я. Гуревич.* Из выступления на защите докторской диссертации А.Л. Юрганова 295

*И.Н. Данилевский.* Продолжение разговора с другом 302

**Summaries** 316

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 322

Юбилей Светланы Валериановны Оболенской 322

К 80-летию Георгия Степановича Кнабе 325

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Умер Андрей Григорьевич Тартаковский 330

Памяти философа 333



## CONTENTS

### **HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD?**

<i>P.Yu. Uvarov</i> INTRODUCTION	5
<i>K.V. Hvastova</i> THE MODERN EPISTEMOLOGICAL PARADIGM IN HISTORICAL RESEARCH (The role of polysemic logic)	10
<i>M.A. Cheshkov</i> THE HISTORICAL SUBJUNCTIVITY, THE POST-NON-CLASSICAL SCIENCE AND THE DEVELOPING WORLD	14
<i>L.I. Borodkin</i> HISTORY, THE ALTERNATIVE AND THE CHAOS THEORY	21
<i>A.V. Obolonsky</i> HISTORICAL JUNCTIONS AS THE SUBJECT-MATTER OF THE ALTERNATIVE HISTORY	27
<i>S.A. Ekshtut</i> COUNTERFACTUAL MODELLING, JUNCTIONS AND THE FORTUITOUS IN RUSSIAH HISTORY AND CULTURE	33
<i>I.N. Danilevsky</i> THE TEMPTATION OF THE ALTERNATIVE	37
<i>A.L. Yurganov</i> A PECULIARITY OF COGNITION RATHER THAN A CHARACTERISTIC OF THE HISTORICAL PROCESS	40
<i>V.D. Nazarov</i> NOT ALL SUBJUNCTIVITIES ARE THE SAME	42
<i>O.A. Rzheshvsky</i> BRITISH SCHOLARS ON VIRTUAL HISTORY	45
<i>M.Yu. Paramonova</i> HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD: A TALKING SUBJECT OR A SCIENTIFIC ISSUE? On the contemporary german research	47
<i>D.E. Haritonovich</i> THE METHODOLOGY AND THE MORAL MEANING OF THE ALTERNATIVE HISTORY	50

CONTENTS

---

*A.Ya. Gurevich*  
CULTURAL HISTORY: COUNTLESS LOSSES AND WASTED  
CHANCES 53  
*DISCUSSION* 58  
*L.M. Batkm*  
THE HISTORICAL NECESSITY, A WEIRD PRISON 64  
*P.Yu. Uvarov*  
JUNCTIONS AND DICE, ALTERNATIVES AND FORTUITIES (An  
attempt at stock-taking) 78

**THE HUMANITIES' ISSUES**

*Vyach. Vs. Ivanov*  
PLACE CULTURAL SEMIOTICS INSIDE THE HUMANITIES OF THE  
XXI ST CENTURY 86  
*Martin Dinges*  
HISTORICAL ANTHROPOLOGY AND SOCIAL HISTORY: VIA THE  
"LIFESTYLE" THEORY TOWARDS THE "CULTURAL HISTORY OF  
EVERYDAY LIFE" 96  
*A.Ya. Gurevich*  
SUMMING UP 125  
*V.I. Strelkov*  
NOTES ON THE ONTOLOGY OF A HISTORICAL TEXT: SOME  
ASPECTS OF F.R. ANKERSMIT'S PHILOSOPHY OF HISTORY 139

**THE IMAGE OF THE WORLD IN THE LEARNED  
AND THE POPULAR MIND**

*Neithard Bulst*  
THE VENERATION OF SAINTS DURING THE PESTILENCE. Social  
and religious reactions on pest epidemics in late middle ages 152  
*P.V. Krylov*  
JEANNE D'ARC'S MANLY DRESS: AN EXTRAORDINARY EFFRONTERY OR  
A FORCED MEASURE? 186  
*A.L. Yurganov*  
FROM THE HISTORY OF THE TABOO VOCABULARY 194

**THE IMAGE OF THE "OTHER"**

*O.A. Savelyeva*  
THE IMAGE OF THE "STRANGER" IN THE OLD-BELIEVERS' FOLKLORE. To  
the problem of ethno-confessional self-identification 207

*V.K. Ronm*

COLONIAL MEMOIRS, DIARIES, AND LETTERS BY RUSSIAN  
EMIGRANTS (of the twenties and thirties of the 20th century) 223

### BOOK REVIEWS

Tsar's charisma. The medieval concept of power as the subject matter of semi-  
otic interpretation (*A.V. Karavashkin's* review of B.A. Uspensky's "Tsar and  
Patriarch: The Charisma of Power in Russia". Moscow, 1998) 257

How does a man become a revolutionary? (*L.A. Pimenova's* review of: E.H.  
Lemay, A. Patrick, and J. Felix's "Revolutionaries at work. The Constituent  
Assembly, 1789-1791". Oxford: Voltaire Foundation, 1996, 144 p.; T. Tackett's  
"Becoming a Revolutionary. The Deputies of the French National Assembly and  
the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790)". Princeton: Princeton  
University Press, 1996. 355 p.) 275

Roger Chartier: Au bord de la falaise: L'histoire entre certitudes et inquietude.  
Paris: Albin Michel, 1998. 293 p. (Review by *I.K. Staf*) 288

About A.L. Yurganov's "Categories of Russian Medieval Culture"

*A.Ya. Gurevich.* From the remarks concerning A.L. Yurganov's doctoral  
dissertation 295

*I.N. Danilevsky.* Continuing the discourse with a friend 302

SUMMARIES 316

OUR JUBILEERS 322

Svetlana Obolenskaya's Jubilee 322

Towards Georgy Knabe's eightieth anniversary 325

IN THE MEMORY OF LOST 330

Dead is Andrey Tartakovsky 330

In memoriam philosophi 333